

Специфика России глазами немецкого ученого

На вопросы доктора философских наук **Андрея Григорьевича Здравомыслова** отвечает один из ведущих специалистов Германии по проблемам России и других государств СНГ профессор Кёльнского университета **Герхард Зимон (Gerhard Simon)**.

Андрей Здравомыслов: Господин профессор, прежде всего, я хотел бы попросить вас оценить те процессы, которые происходят в России последние 10-15 лет, и высказать свое отношение к российским реформам.

Герхард Зимон: Реформы были нужны. Благодаря им Россия получила возможность смотреть в будущее, но не в "светлое будущее", как это было раньше, а в нормальное будущее. Она получила возможность встать на путь демократии и рыночных отношений и, таким образом, занять достойное место среди других европейских государств. В то же время многое разочаровывает в практической реализации реформ. Они идут очень медленно по известному принципу "один шаг вперед, два шага назад". Такое разочарование есть не только у меня. Почему реформы в России сталкиваются со столь серьезными трудностями, мне непонятно, я этого не могу объяснить. Тем более, что в ряде других стран - Польше, Венгрии, Чехии - реформы идут более успешно.

А.З.: А как вы оцениваете эти процессы с точки зрения российско-немецких отношений, отношений между Германией и Россией?

Г.З.: Во времена перестройки и правления М. Горбачева между Германией и Россией были самые сердечные отношения. То же самое продолжалось и при Б. Ельцине в какой-то мере благодаря его личным отношениям с Г. Кодем. Теперь, когда Коль ушел, точнее, когда "его ушли", отношения стали более деловыми и менее сердечными. Но немецкая политика состоит в том, чтобы наладить взаимоотношения в европейском контексте, чтобы Россия не осталась за бортом европейской политики.

А.З.: Есть ли в Германии дифференциация мнений относительно России и как можно было бы ее охарактеризовать?

Г.З.: Конечно, такая дифференциация есть. Прежде всего, многое зависит от того, взгляды каких кругов мы рассматриваем. Можно говорить о мнениях правительства, о политических партиях, об ощущениях немецкого обывателя, о точке зрения интеллигенции. Например, немецкие деловые круги - промышленники, финансисты - считают, что необходимо установление хороших партнерских отношений с российским бизнесом, так как Россия представляет собой огромный рынок. Но во всех слоях общества по отношению к России существует эмоциональное отношение. С одной стороны, в Германии сложилось романтическое отношение к России, которая воспринимается как страна Ф. Достоевского, Л. Толстого. Это своего рода "Восток", кото-

рый несет в себе "лучшее". Иными словами, по отношению к России наблюдаются положительные чувства. Кстати, такое отношение наблюдается у людей старшего возраста, особенно среди бывших солдат, прошедших через советский плен. С другой стороны, по отношению к России мы видим и совершенно противоположные чувства - страх, отрицание ее в соответствии со стереотипами - "дикий Восток, невоспитанный, недемократичный, восточная тирания". Совершенно противоположные стереотипы существуют иногда, как это ни странно, даже в сознании одного и того же лица. Если человек не специалист, ему, может быть, самому не ясно, что у него есть и те и другие стереотипы одновременно. Но я думаю, что среди трезво мыслящих, политически мыслящих людей, тем более среди политического класса Германии, присутствует консенсус относительно того, что Россия для нас очень важный сосед и что отношения с ней должны быть если не дружественные, то по крайней мере не враждебные. Стремление установить хорошие отношения с Россией вытекают из эгоистических интересов самой Германии: ведь чем лучше положение дел в России, тем надежнее положение самой Германии.

А.З.: Таким образом, мы логически подошли к следующему вопросу: как вы оцениваете дискуссию по поводу того, является ли Россия частью Европы?

Г.З.: Я об этом довольно долго размышлял, опубликовал несколько статей. И мой вывод будет таким: Россия находится на грани Европы. Не только в географическом смысле, но и в историческом, политическом, если хотите, ментальном смысле. Это значит, что Россия - часть Европы, но она находится на ее периферии. Россия не является центром Европы, потому что испытывает совершенно иные влияния и традиции. И история, и современность России осуществляются лишь отчасти в соответствии с европейской парадигмой. Есть другие парадигмы, которые сегодня влияют на нее в отличие, скажем, от Польши. И часть ответа на вопрос о различии хода реформ в России и в других восточноевропейских странах следует искать в истории: например, Польша в гораздо большей степени принадлежит Центральной Европе, чем Россия. В то же время Россия - отнюдь не единственная периферия Европы. Испания - тоже ее периферия. Некоторые также относят Турцию к периферии Европы, но я в этом сомневаюсь. Скорее, Турция - вне Европы, в ней лишь наблюдается некоторое европейское влияние. Но это вопрос спорный. А сейчас мы официально открыли Турции дверь в Европейский Союз.

А.З.: А какие именно компоненты в российской истории определяют ее периферийное место?

Г.З.: Общественно-политическое развитие России, начиная примерно с XIV века, с возникновения Московского государства, довольно сильно и ясно отличается от "европейской нормальности". Основное отличие касается внутренней структуры российского общества. В старом русском обществе были сословия, например дворянство, но оно было под властью князя, а затем царя. В России дворянство не имело власти против царя или императора. Я бы сказал: в России не было феодализма. Кроме того, в России был очень слабо развит регионализм. Это особенно ясно при сравнении с Германией, где регионализм всегда был развит, даже до такой степени, что практически не существовало централизованного государства. Наоборот, Московское государство развивалось именно как централизованное. А Германия, Италия, скандинавские государства развивались как региональные сообщества.

Иным в России было и правовое развитие. Понятие собственности на землю сформировалось только в конце XVIII века, когда российское дворянство получило от царя гарантии земельной собственности. В Германии, а тем более в Англии, это произошло приблизительно на 5 столетий раньше. То есть до конца XVIII века царь имел возможность просто изгонять дворян с земли. Это было немыслимо на Западе. Поэтому самосознание дворянства было на Западе значительно выше в отношении к импе-

ратору, чем в России. Русский дворянин был в значительной степени служащим своего царя. Здесь же, на Западе, он был хозяином земли. Он, конечно, тоже служил королю, но при этом имел собственные права, а русское дворянство таких прав не имело в том смысле, что в качестве сословия не могло требовать чего-либо от царя. Царь "жаловал" дворянина, но дворянин не имел права чего-либо просить у царя и тем более требовать. Отношения, таким образом, были односторонними. На Западе же очень рано стали формироваться двусторонние, сбалансированные отношения между королем, императором, князем и подчиненными.

Принцип разделения властей, разделение прав на Западе развивалось значительно быстрее. То же самое с церковью. Пример - отделение церкви от государства. Папская католическая церковь и государство отделились друг от друга в Европе еще во времена средневековья. Они не только разделили сферы влияния, но и боролись друг с другом. В России это было немислимо! Церковь остается и сейчас частью того, что в византийских понятиях называется "симфонией". И вообще, я думаю, для России очень характерно интегральное мышление, интегральный менталитет. На Западе же, наоборот, развивались конфликтные отношения между разными группировками, сословиями, менталитетами. В России же и до сих пор, на мой взгляд, сохраняется лажа единства, жажда целостности, интегральности. И это довольно сильно отличается русский менталитет от западного.

А.З.: Вы не знакомы со статьей Ф. Тютчева "Россия и Германия", которая была опубликована около 100 лет тому назад во "Frankfurter Allgemeine Zeitung"? Неужели с тех пор ничего не изменилось в восприятии России Западом?

Г.З.: Нет, я ничего не знал об этой статье. Это поэт Тютчев? Вот видите, оказывается, сложившиеся парадигмы живут очень долго, и мы сами не замечаем этого!

А.З.: Да, это поэт, но он ведь был известным дипломатом, придерживавшимся, кстати, прогерманской ориентации. Но если обращаться к современности, то, как вы полагаете, Россия и Советский Союз - разные государства или, по сути, одно и то же?

Г.З.: Разумеется, это государства разные. Посмотрите хотя бы на территорию СССР - более крупная страна, чем нынешняя Россия, в составе которой осталась примерно половина населения бывшего СССР и половина экономической потенциала. Тем не менее можно сказать, что СССР был своего рода расширенной Россией. В этом плане термин, который использовался на Западе по отношению к СССР, - "Советская Россия" - одновременно корректен и некорректен. Дело в том, что Россия - русский народ, российское государство - была ядром советского государства. Язык, менталитет, образование - все это концентрировалось вокруг русской культурной традиции, видоизмененной применительно к "советским" установкам.

Хотел бы подчеркнуть, что структуры ментальности не остаются неизменными. В истории все меняется. И нынешняя Россия переживает один из самых значительных переворотов, который, несомненно, сказывается на менталитете общества. Как и куда идет Россия? Здесь одно мне кажется ясным. Всегда - и в дореволюционное, и в советское время - она была централизованным государством. Мне кажется, что это идет к концу. Россия развивается сейчас в направлении к федерации. Как я уже говорил, традиция регионализма у вас была очень слабой, но представляется, что ныне все-таки регионализм в России развивается, причем не только в национальных республиках, но и в русских областях. В принципе, это хорошо. На мой взгляд, это положительный процесс. Может быть, я рассуждаю с точки зрения немецкого опыта, потому что мы в Германии имели, в общем, положительный опыт федерализма и регионализма. Но думаю, что современное государство, современное общество не может быть иным. Никто не может управлять современным обществом из одного центра, скажем, из Москвы. Это - антимоdern. Общество должно иметь разные центры. Власть должна быть делегирована и децентрализована. Но мы знаем, что

развивать такой федерализм нелегкое дело. Последние десять лет федерализация России шла отчасти анархическим путем. Очень много возникло в этой связи странного, несогласованного. Например, законы некоторых областей (субъектов федерации) вступили в противоречие с общероссийским законодательством, или Конституция Татарстана находится в противоречии с общероссийской Конституцией. Это, конечно, не годится. Это то, что я называю анархическими тенденциями.

Сейчас новое правительство старается найти выход из создавшегося положения. И тем не менее возможно, что здесь и есть главное направление изменений. Я не могу себе представить, что Россия вновь станет столь же централизованным государством, как Советский Союз. Конечно, формы федерализации могут быть разными. Так, я не вижу ничего страшного в так называемой асимметричной федерации, сложившейся в России. Испания, например, представляет собой также асимметричную федерацию. А Германия - симметричная федерация: здесь все субъекты федерации, начиная с маленьких, как, например, Бремен, полностью равны в отношениях с центром, с федеральным правительством и имеют одинаковый объем полномочий.

А.З.: За исключением Баварии?

Г.З.: Нет, Бавария не исключение, в ней действуют общенациональные законы. Разница между Баварией и Бременом очень незначительна, это некоторые символические нюансы. А что касается, например, финансовых полномочий, то они одинаковы. Из-за этого и идет спор. Бавария считает, что Бремен не должен быть субъектом федерации, что такой порядок слишком дорого обходится. Пусть они объединятся с Нижней Саксонией.

А.З.: Какую роль в восприятии нынешней России играет память о Второй мировой войне, в частности о войне с Советским Союзом?

Г.З.: Память о войне в массовом сознании, в сознании обывателя исчезла. Другое дело - политический класс Германии. Речь идет об определенных кругах немецкой интеллигенции и политического класса, у которых эта память жива. Она проявляется, прежде всего, в чувстве стыда и вины, в стремлении к примирению, в особенности с Россией. Очень много делает в этом отношении немецкая Евангелическая церковь. Она сохраняет память о войне и стремится преодолеть вину Германии путем примирения, общения с Россией, чтобы найти общий язык с помощью налаживания контактов. Не случайно, именно сейчас в Бундестаге был принят закон о компенсации лицам из Восточной Европы (из тех, кто остался в живых), во время войны находившимся в концентрационных лагерях или использовавшимся на принудительных работах. Им полагается - согласно этому закону - единовременное пособие. Обсуждение этого законопроекта сопровождалось общенациональной дискуссией, которая показала, что немцы признают свою ответственность за преступления гитлеровского режима. В частности, Евангелическая церковь выделила в Фонд компенсации 10 млн немецких марок, хотя от нее никто этого не требовал - ни государство, ни общественное мнение. Церковь руководствовалась именно стремлением к примирению.

А.З.: Но раз вы говорите о стремлении к примирению, надо полагать, что в немецком обществе существуют и те, кто не разделяет этого стремления. Сохраняется ли враждебность по отношению к России? Нельзя ли остановиться на этой стороне вопроса?

Г.З.: Существует прямо противоположный подход, который можно было бы выразить следующим образом: со времени окончания войны прошло уже более полувека и пора покончить с историей. Сейчас живет совершенно другое поколение, они говорят: "Мы родились после войны или были еще детьми во время войны и не несем за нее ответственности, нас это больше не интересует. Мы живем сегодня, а что касается истории, то пусть этим занимаются историки". (Тем, кто родился сразу после войны,

теперь за 50 лет.) Такая точка зрения, такой менталитет, действительно существует. Хотя если вы посмотрите на мир образования - на учителей, профессию и студенчество, то такой взгляд там встречается крайне редко. Официальная Германия, политическая Германия постоянно повторяет, что хотя война была в прошлом, мы обязаны об этом не забывать и помнить о преступлениях нацистов. Мы должны заботиться о том, чтобы это никогда не повторилось. Официальная Германия постоянно повторяет: наша обязанность состоит в том, чтобы новые поколения немцев знали о преступлениях нацистов.

А.З.: Как мне представляется, комплекс вины, осмысление которого началось в 1960-е годы, подразделяется (или может быть разделен) на три части: холокост, развязывание Второй мировой войны и нападение на Советский Союз. В какой мере все компоненты данного комплекса присутствуют сейчас в обсуждении этой проблемы?

Г.З.: Я думаю, присутствуют. Но на первом плане явно стоит холокост. На втором - нападение нацистской Германии на Советский Союз. Но тот факт, что нацистская Германия еще до нападения на Советский Союз напала на Польшу, что война была развязана в Западной Европе и, тем более, во Франции, - все это не на первом плане. Удивительно, но в историческом сознании немцев сегодня эти события почти не присутствуют. Вопрос об ответственности нацистской Германии за развязывание войны против Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании не обсуждается. Относительно Польши - другое дело! Чем это объяснить? Может быть тем, что наши отношения с Францией повернулись на 180° и поэтому даже трудно представить, что между нашими двумя странами были войны! Хотя они продолжались веками. Новому поколению почти не понятно, как это могло быть.

А.З.: А есть ли объяснения так называемой "странной войне" или "сидячей войне"? Я имею в виду ту ситуацию, которая сложилась после 1 сентября 1939 года - нападения Германии на Польшу, когда ее союзники - Великобритания и Франция - объявили войну Германии, но военные действия не предпринимались, а затем даже Париж был сдан без большого сопротивления. Война приобрела иной характер только после того, как гитлеровское командование начало готовиться к операции "Морской лев", т.е. к высадке вермахта на британских островах.

Г.З.: Я сомневаюсь, что об этом знает кто-либо, кроме специалистов. Думаю, если вы скажете выпускнику даже гимназии, что Париж был занят немецкими войсками, то он очень удивится!

А.З.: А как интерпретируется в большей части работ факт победы Советского Союза над фашистской Германией?

Г.З.: Это интерпретируется таким образом, что это была победа не столько Советского Союза, сколько союзников. Советский Союз участвовал своим людским контингентом, солдатами, но союзники очень помогли. Они открыли второй фронт в Европе и существенно помогли материально, прежде всего оружием, Советской Армии. Здесь вряд ли говорят о победе Советского Союза, а говорят о победе вообще союзников над фашистской Германией. Тем более, что туда, где мы сейчас находимся - в Рейланд, пришли американцы и англичане. Здесь вообще не видели советского солдата.

А.З.: Возможно, это так. Но только второй фронт - так называемый *D-day* - был открыт в июле 1944 года, когда гитлеровцев уже изгоняли с территории СССР, и судьба Третьего Рейха была практически предрешена. Во всяком случае здесь можно говорить о несовпадении в интерпретациях истории Второй мировой войны. Существует западная интерпретация и российская, в рамках которых по-разному

оцениваются разные события. Это связано не только с различием в датах победы, с отношением к победе, но и с выделением наиболее значимых событий в ходе войны. Например, при сравнении битвы под Сталинградом с битвой при Эль-Аламейне. Поскольку вы историк, более того - специалист по советской и российской истории, не считаете ли вы полезным предпринять некоторые усилия по сближению точек зрения на ход и значение Второй мировой войны?

Г.З.: Конечно, это возможно, и специалисты должны этим заниматься. Насколько мне известно, такая работа уже проводится. Существует российско-немецкая комиссия историков, созданная по решению президентов Коля и Ельцина, которая занимается отношениями между Германией и Россией в XX веке. В данный момент в поле ее изучения 1970-е годы, т.е. подготовка советско-германского договора и все, что с этим связано. Они собираются двигаться назад, к прошлому. Комиссия - как раз то место, где должны быть представлены и обсуждены различные концепции и точки зрения. Было бы желательно, чтобы в российских и немецких учебниках для гимназий, вузов и в иных изданиях давались бы если не идентичные, то близкие оценки событий. С немецкой стороны эту комиссию возглавляет профессор Х. Мёллер - директор Института современной истории, с российской - директор Института всеобщей истории РАН академик А. Чубарьян.

А.З.: А как по-нашему, между кем и кем была эта война: между двумя тоталитарными режимами, между коммунизмом и фашизмом или между народами?

Г.З.: Я думаю, что это была война между двумя тоталитарными системами. К сожалению, тоталитарные системы не существуют сами по себе, без народов. Хотят или не хотят того народы, они принимают в войне участие. Кто проливает кровь? Конечно, народы. Это говорит о том, как важна все-таки политическая система. Многие и в Германии, и в России считают, что политика - грязное дело, что лучше ею не заниматься, что все политики коррумпированы и вообще что они в большей или меньшей степени разбойники! Но это очень опасная точка зрения! Потому что, если мы не обращаем внимания на тех, кто нами управляет, это может очень плохо кончиться. Народы, следовательно, тоже несут ответственность за тех, кто ими управляет. Аполитичность общества - очень опасное дело!

А.З.: Как известно, некоторые авторы, рассматривая современный российский кризис, прибегают к сравнению положения дел в современной России с ситуацией в Германии после ее поражения в Первой мировой войне. Насколько правомерна с вашей точки зрения эта аналогия?

Г.З.: Это называется веймарским синдромом. Некоторое сходство есть. Например, веймарское общество было демократией без демократов. В России до известной степени тоже так: не развиты демократический менталитет и демократическое мышление. Официально, по конституции, демократия существует, президент избирается, а не приходит к власти путем путча. Но института выборов недостаточно, чтобы назвать какое-либо общество демократическим. Потому что в мире существует достаточно много примеров нелиберальных демократий, когда способ избрания руководства соединяется с иллиберализмом в обществе. Такие черты есть в России.

Но в то же время есть очень много и отличный от веймарского периода в истории Германии. Есть надежда на то, что Россия не будет подражать веймарской республике. Так, совершенно иначе смотрит на дела постсоветской России международное сообщество. Оно поняло, что нельзя изолировать Россию, все двери должны быть открыты, ибо в противном случае это очень опасно. Ведь что произошло в 1920-е годы с Германией? Ее изолировали и таким образом способствовали развитию антиверсальского ревизионистского комплекса. В целом же мне представляется, что России предстоит еще очень долгий путь к такому положению дел, когда демократия

станет определяющим моментом общественного менталитета, а не будет ограничиваться лишь фактом проведения выборов.

А.З.: Вы совсем обошли одну из самых острых тем, характеризующих отношение Запада к России. Я имею в виду чеченский вопрос. Вез него трудно понять ситуацию.

Г.З.: Конечно, чеченский вопрос очень сильно давит! Если бы его удалось решить политическим путем, это существенно помогло бы улучшить отношения между Западом и Россией. Я имею в виду не только Германию, но и Европейский Союз, равно как и США. Чеченская война говорит о том, что Россия еще далека от реальных норм демократической жизни. Демократия предполагает, что внутренние конфликты обязательно решаются ненасильственным образом. Пока идет война в одной из провинций России, это свидетельствует, что она не в состоянии развивать мирные инструменты разрешения конфликтов. Пока это происходит только в Чечне. Но некоторые опасаются, что такая практика будет распространяться и на другие территории.

А.З.: А как вы оцениваете в этой связи новое руководство России?

Г.З.: В. Путин пришел к власти благодаря войне, по той причине, что российское общество воспринимает эту войну не как войну, а как борьбу против международного терроризма. Иными словами, чеченская война - еще один пример того, как по-разному воспринимается одно и то же событие в России и здесь. Другой пример - конфликт на Балканах и война в Косово. В России она была воспринята как война НАТО в целях расширения зоны своего влияния или даже как война Америки за установление своего мирового господства. На Западе и особенно в Германии был достигнут консенсус. Все общество считало, что войска НАТО обязаны войти в Косово в целях гуманитарной интервенции. В России же сам этот термин - "гуманитарная интервенция" - воспринимается не иначе, как с насмешкой.

А.З.: Не кажется ли вам, что сами термины "антитеррористическая акция" и "гуманитарная интервенция" имеют логическую и политическую связь?

Г.З.: Я не исключаю, что благодаря интервенции НАТО в Косово российское правительство пришло к выводу, что война в Европе возможна, хотя вот уж 50 лет это казалось невозможным! И вдруг она оказалась возможной! Я не исключаю, что это стимулировало решение российского правительства относительно второго этапа чеченской войны.

А.З.: А вы не считаете, что Путину удалось локализовать конфликт?

Г.З.: Он всегда был локализован на территории Чечни... Правда, второй этап начинался с вторжения в Дагестан. Но потом военные действия были вновь перенесены на территорию Чечни.

А.З.: А как вы расцениваете выдвижение верховного муфтия Чечни А. Кадырова на пост главы республики?

Г.З.: Мне трудно судить, я не знаю, пользуется ли он авторитетом у населения. Будет ли это началом политического решения конфликта? Сначала он занимал антирусские позиции и принимал участие в первой чеченской войне, поддерживая А. Масхадова и М. Удугова, теперь он с ними порвал. Кто он в действительности? Куда на самом деле стремится? Мне трудно об этом судить.

А.З.: Возвращаясь к главной теме нашей беседы, хочу задать еще один вопрос: какой смысл вкладывается в понятие нации в России и Германии?

Г.З.: Современная нация - явление европейской истории XVIII и XIX веков. Мы уже говорили, что исторические пути Германии и России отличаются друг от друга.

Это касается и понятия "нация". Сегодня можно еще спорить, существует русская нация или нет. Мне всегда казалось, что русский национализм был сдержанным, он был как бы недостаточно развит, прежде всего, в связи с тем, что и дореволюционная Россия, и Советский Союз были многонациональными обществами. Условие существования такого государства как раз и состоит в том, чтобы главная нация была недоразвита, потому что русский национализм был бы бомбой под империей. И это отчетливо осознавало и царское правительство, и руководство Советского Союза. Русский национализм необходимо было ввести в определенные границы. Если бы этого не было сделано, то распались бы и дореволюционное государство, и Советский Союз. Недоразвитость русского национализма или русского национального самосознания просматривается сегодня невооруженным глазом. Посмотрите на русские меньшинства в Прибалтике, в Средней Азии, на Кавказе (хотя их там уже мало осталось), на Украине. К лет тому назад многие боялись, что эти русские меньшинства станут пятой колонной по отношению к новой Украине или в прибалтийских государствах. По разным причинам этого не произошло. Здесь я вижу доказательство того, что русское национальное самосознание, например у русских на Украине или в Эстонии, довольно шаткое. Нет ирредентистского политического движения в Донбассе. Если что-то и было, то лишь кратковременный подъем русского сепаратистского движения в Крыму на протяжении 2-3 лет, но потом все закончилось - довольно быстро и незаметно. Почему? На мой взгляд, одна из причин - недоразвитость русского национального самосознания.

А.З.: А может быть, это не недоразвитость, а наоборот, зрелость?

Г.З.: Может быть. Во всяком случае, такая ситуация наблюдается после разочарования. Типичный пример - Германия. Немецкое национальное самосознание в послевоенное время стало достаточно мягким, неопределенным, исполненным чувства виновности, в отличие, например, от Франции. Во Франции существует совершенно явное, ясное - в положительном смысле, конечно, - национальное самосознание. В Германии этого нет. Зрелость, о которой вы говорили, возникает лишь в постнациональном государстве. А Россия никогда не была национальным государством и, можно надеяться, что этого и не произойдет, потому что сегодня национальные государства - практически дело прошлого. Можно надеяться, что России этот период удастся перепрыгнуть.

А.З.: Считаете ли вы, что в Германии и России существуют националистические группировки?

Г.З.: Конечно, существуют. В Германии есть крайне правые движения и группировки и даже террористически настроенные. Но, слава Богу, это весьма маргинализованные группировки. Они объединяют от силы 200-300 человек, но тем не менее представляют собой опасность для общества.

А.З.: А как вы оцениваете перспективы развития отношений между Германией и Россией?

Г.З.: Я не ожидаю серьезных перемен ни в лучшую, ни в худшую сторону. Пока экономическая ситуация в России не улучшится заметным образом, до тех пор и экономический обмен, и инвестиции останутся весьма ограниченными. К сожалению, так будет до тех пор, пока не изменится правовое положение инвесторов. Но все эти предпосылки не могут возникнуть очень быстро, поэтому в ближайшем будущем я не ожидаю резких перемен. В настоящее время было бы полезно сосредоточить большее внимание на культурном обмене - на приглашении профессоров, студентов. Таким образом, можно было бы компенсировать весьма слабое развитие экономических отношений.

А.З.: А какая линия отношений является более эффективной межгосударственной или та, которую называют grassroot?

Г.З.: И та и другая. Но роль государства ограничена - и слава Богу! Мы не хотим, чтобы государство всюду вмешивалось. Мы должны содействовать развитию отношений между университетами, городами, регионами, церковными общинами. Такие отношения более прочны. Но и это нелегко. Надо признать откровенно - нелегко в связи с тем, что подчас данные отношения строятся на односторонней основе, так как российская сторона не может такие контакты финансировать. То есть вновь мы возвращаемся к экономической ситуации.

А.З.: В связи с проблемой национального самосознания, в какой мере это национальное самосознание едино для Западной и для Восточной Германии? Не приходилось ли вам слышать, что политика, проводимая в отношении восточных земель, т.е. в отношении населения бывшей ГДР, ведет к своего рода этнизации восточных немцев, делит нацию на две части - настоящих немцев и немцев как бы второго сорта?

Г.З.: Я не думаю, что это так. Может быть, кое-кто это так и воспринимает, но мне кажется, здесь ложное восприятие. Об этнизации не может быть речи: ведь там и здесь - этнические немцы. Причем на востоке они даже более немцы, чем здесь, так как там значительно меньше доля иностранцев, чем в больших городах Западной Германии. Это мне всегда бросалось в глаза, когда я был в Ростоке или в других городах Восточной Германии. Там практически нет иностранцев:ходишь в ресторан, и тебя там обслуживают немцы. Попробуйте в Кёльне найти такой ресторан! Но вот что произошло с Восточной Германией: политическая и экономическая системы Западной Германии были внедрены более или менее насильственно. Мы не спрашивали их мнения на этот счет. Они воспринимали это (а некоторые воспринимают и до сих пор) как колонизацию. Но не в этническом смысле, а в смысле экономического и политического проекта.

А.З.: А в области кадровой политики?

Г.З.: То же насчет кадровой политики. Например, Путин сделал свою карьеру в КГБ, даже служил в Дрездене, я думаю, в течение 5-и лет. Такой человек в Германии сегодня не мог бы стать политиком. Человек, который работал 15 лет работником "штази", не имеет возможности в Германии занимать какой-либо пост даже в партии посткоммунистов, тем более он не может продвигаться на уровень национального политика.

А.З.: А вы считаете такое решение оптимальным?

Г.З.: Оптимальное или не оптимальное, но решение принято. Таким образом обеспечивается кадровая ротация, очень радикальная в восточных землях. И я лично считаю, что в демократическом обществе трудно себе представить, как человек, социализировавшийся в КГБ или "штази", может управлять государством.

А.З.: Но в США был такой президент, как Г. Гувер!

Г.З.: И президент Д. Буш был руководителем ЦРУ, но одно дело быть политическим руководителем такой организации, а другое - оперативным сотрудником или резидентом. Кроме того, ЦРУ и КГБ - не одно и то же. В США и в Германии это службы, работающие под контролем демократических правительств, а КГБ - организация совершенно другого типа.

А.З.: А это не компенсируется тем, что российский президент двуязычен?

Г.З.: Знание языка - это *a la bonne heure*¹, но я думаю, что это не компенсируется.

А.З.: В России многие бы приветствовали, если бы кто-то из руководителей западных стран свободно владел русским языком.

Г.З.: Возможно, что М. Олбрайт владеет.

А.З.: Но она не президент!

Г.З.: Я не знаю, и какой степени В. Гавел или А. Квасьневский владеют русским. Но сейчас можно наблюдать движение в обратном направлении. Ваши соседи, скажем, президент Латвии, не владеют русским языком, поскольку они прибыли из эмиграции. Зато эстонский президент Л. Мэри прекрасно говорит по-русски. Он также свободно говорит и по-немецки. Я имел возможность с ним познакомиться, так как еще в советское время он бывал в Федеральном институте восточноевропейских и международных исследований в Кёльне, где я работал. Тогда он занимался этнологическими вопросами и сделал очень интересный фильм об эвенках и ненцах. Он говорит по-немецки как прибалтийский немец, с таким же акцентом.

А.З.: А ваше личное отношение к России менялось за эти годы? И в каком направлении?

Г.З.: Десять лет тому назад я ожидал большего. Я никогда не был оптимистом и не думал, что Россия быстро превратится в благополучную демократию, но тем не менее... Я ожидал больших изменений, надеялся, что Россия более решительно отмежуетя от коммунистического прошлого. К сожалению, мои ожидания оказались завышенными. Отсюда мои разочарования, я этого не скрываю. Даже не разочарования по поводу экономики, хотя и здесь мы видим удручающую картину, но я ожидал, что Россия более внятно отречется от коммунистического прошлого, как это и казалось, между прочим, в 1991 году. Помните плеяду перестроечных публицистов? Антисталинский дискурс того времени. Но из этого мало что получилось. Однако каждый, разумеется, рассуждает субъективно. Я должен признать, что всегда был антикоммунистом. Из-за этого мне порой было тяжело здесь, на Западе. Потому что когда я начал работать в 1970-1980-е годы, быть антикоммунистом считалось неправильным, тем более в среде немецкой интеллигенции. Из-за этого я всегда был немножко аутсайдером.

А.З.: Большое спасибо за очень интересное интервью.

¹ Отлично, в добрый час. - *франц.*